

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.

На этой неделе Конституционный суд РБ по инициативе группы депутатов Палаты представителей будет рассматривать соответствие Основному закону страны статьи Уголовного кодекса о смертной казни как высшей мере наказания. Отношение к смертной казни волнует общественность всех стран, отношение к ней далеко не однозначное. Достаточно вспомнить результаты референдума в РБ 1996 г., когда 80,4 % населения высказалось за сохранение этой меры наказания, или же волну стихийных выступлений с требованиями ее восстановления, прокатившихся несколько дней назад по всей Бельгии. Соотношение преступления и наказания - не только юридическая проблема. В последние десятилетия эти вопросы привлекают все большее внимание представителей экономических наук. Одна из книг лауреата Нобелевской премии по экономике Гэри Беккера называется прямо-таки по Достоевскому "Преступление и наказание: экономический подход". Во многих вузах Запада экономическая теория преступности уже довольно давно выделилась в самостоятельную учебную дисциплину.

По данным социологических опросов, и в самых развитых странах значительная часть населения выступает за сохранение смертной казни за наиболее тяжкие преступления. Однако во многих из этих государств смертная казнь как высшая мера наказания отменена. Там политики не побоялись взять на себя ответственность за смягчение законодательства вопреки воле многих своих избирателей – шаг достаточно смелый для общественного деятеля. Почему так разошлись мнения законодателей и рядовых граждан? Может быть, причина лежат в способности более образованных людей, коими являются политики, быстрее приспосабливаться к новым требованиям гуманизирующегося общества и самим инициировать его дальнейшую гуманизацию, в то время как в массовом сознании по инерции господствует унаследованный от более жестоких времен принцип: "Око за око, зуб за зуб". А может быть, рядовой обыватель подсознательно чувствует себя менее защищенным, чаще опасается подвергнуться насилию, чем сильные мира сего. (Хотя недавняя трагическая гибель Анны Линд в очередной раз продемонстрировала, что ни высокий пост, ни красота, ни талант не могут спасти от ножа маньяка).

Юристы хорошо знают, что осознанное или неосознанное отождествление себя с жертвой преступления может сильно повлиять на вынесение приговора. Вот почему так долго и тщательно отбирается состав присяжных, чтобы гарантировать их максимальную беспристрастность. Ведь если недобросовестному представителю обвинения по делу об изнасиловании удастся сформировать жюри присяжных из людей, имеющих дочерей такого же возраста, как и жертва преступления, ему будет легко до-

биться осуждения подозреваемого, сколь шаткими бы не были предъявленные доказательства. Присяжные, невольно отождествляющие с потерпевшей свою дочь, уже заранее подсознательно склонны вынести обвинительный приговор.

"...Вообще всякое примерное наказание ... включает в себе долю несправедливости, которая, являясь злом для отдельных лиц, возмещается общественной пользой", – цитирует Тацит в своих "Анналах" слова политического деятеля Древнего Рима. Современные представители экономической теории преступности говорят о дилемме наказания. Она "возникает в силу того, что для обеспечения такого общественного блага, как законопослушание, должно быть произведено такое общественное "антиблаго", как наказание... – пишет Нобелевский лауреат по экономике Дж. Бьюкенен в своей книге "Границы свободы. Между анархией и Левиафаном". – Нормальный человек может страдать, зная о наказании явных преступников; он будет страдать еще больше, если поймет, что некоторые арестованные на самом деле обвинены ложно." Из всех функций, выполняемых наказанием : наказание виновных, их изоляция для предотвращения совершения ими новых преступлений, их перевоспитание и сдерживание потенциальных преступников именно последняя привлекает наибольшее внимание ученых-экономистов. Наказание обязательно налагается "после", хотя величина и форма наказания должны быть выбраны "до". По мнению Дж. Бьюкенена, никакое наказание не способно полностью возместить ущерб, восстановить ситуацию "до преступления". Если рассматривать наказание не как инструмент мести, а как способ профилактики потенциальных преступлений, то "даже мягкий человек, сострадающий ближнему, рационально одобрит при выработке законодательных норм суровые наказания, поскольку, чем более суровы наказания, тем сильнее их сдерживающий эффект и тем реже возникает необходимость практически применять эти меры".

Однако если делать акцент только на тяжести наказания, независимо от вида совершенного преступления, то идеальным законодателем может показаться составитель первого писаного свода законов в Древних Афинах Драконт (Дракон), до предела унифицировавший меру наказания. - И укравший на рынке пучок овощей и совершивший зверское убийство одинаково осуждались на смертную казнь. Не случайно термин "драконовские законы" (бездушные, жестокие) превратился в крылатое выражение. Нечто подобное напомнил мне недавний приговор суда по делу молодых людей, похитивших редкие книги из Национальной библиотеки – 9 и 10 лет лишения свободы. При всем моем трепетном отношении к раритетным изданиям этот приговор, аналогичный наказанию за изнасилование с отягчающими последствиями, поразил меня своей суровостью. Остается только догадываться, чем руководствовались судьи при его вынесении – рыночной ценностью похищенного государственного имуще-

ства или же белорусская Фемида оказалась загипнотизированной символом "Национальная библиотека".

Если считать преступника человеком рациональным, подобно законопослушным гражданам сопоставляющим свои затраты и выгоды, т. е. относиться к преступлению как к разновидности рискованного предпринимательства, то получаемый им доход равен разности между доходом от преступления и ожидаемыми потерями от него. Потери же равны произведению вероятности осуждения правонарушителя и тяжести наказания. Т.е. для того, чтобы человек не пошел по "кривой дорожке", величина чистого дохода от преступления должна быть отрицательной (по принципу "преступление не окупается"). Поэтому вероятность поимки преступника и тяжесть наказания являются взаимозаменяемыми величинами: при низкой раскрываемости преступлений суровые наказания дают тот же эффект, что и более мягкие наказания при высокой раскрываемости их. Эмпирические исследования пальму первенства в предотвращении преступлений все же отдают не столько тяжести наказаний, сколько их неотвратимости: увеличение на 1 % вероятности осуждения сильнее удерживает от совершения противоправных действий, чем увеличение на 1 % наказания. По оценкам норвежских экономистов, сделанным на основе анализа данных мировой статистики, увеличение вероятности осуждения на 1 % уменьшает число преступлений на 0,5 %. Что касается длительности тюремного заключения, то по мере возрастания сроков осуждения уменьшается его воздействие на потенциальных преступников: сидеть ли 20 или 25 лет, получить ли одно или четыре пожизненных заключения – особой разницы не ощущается.

При назначении наказания за менее тяжкие преступления может возникнуть выбор между тюремным заключением и наложением денежного штрафа. Если опять-таки рассматривать эти меры не в качестве компенсации за нанесенный ущерб, а в контексте их влияния на предупреждение противоправных действий, то здесь большую роль играет личность преступника, имеющийся у него человеческий капитал. К лицам с высоким уровнем образования и к малообразованным преступникам подход должен быть дифференцированным. Поскольку для первых гораздо более страшным наказанием является потеря времени и деловой репутации (обычно это "преступники в белых воротничках"), их следует преимущественно наказывать тюремным заключением, для общеуголовных же преступников, для которых тюрьма – чуть не дом родной, значительно более суровым наказанием являются денежные штрафы.

Вопреки постоянным ссылкам нашей печати на отсутствие прямой зависимости между наличием смертной казни за особо тяжкие преступления и их количеством, американский экономист А. Эрлих отмечает ее сильный сдерживающий эффект, особенно в отношении числа совершаемых убийств. На основе обширного статистического материала он сравнил количество убийств и смертных казней в различных штатах США,

элиминируя другие факторы данных расхождений. Согласно его исследованиям, между количеством вынесенных смертных приговоров и числом убийств существует четкая обратная зависимость: каждая казнь убийцы способствует предотвращению от 7 до 15 аналогичных преступлений. Вывод А.Эрлиха вызвал резкое неприятие гуманистически настроенной общественности. Однако достаточно убедительно опровергнуть его никто не смог, и в целом среди экономистов он стал общепринятым.

Естественно, законодатели понимают, что эта зависимость неодинакова для различных видов правонарушений. Борьбу с зайцами в общественном транспорте можно вести, сделав для людей экономически невыгодным подобное поведение: при стоимости талона 250 рублей и одной сотой вероятности встречи с контролером можно поднять размер штрафа до 25 тысяч рублей либо увеличить количество проверяющих билеты. Но ведь можно действовать и по принципу: "Лучшее средство от перхоти – гильотина!" – просто расстрелять нескольких безбилетников на месте, тогда другим уж точно будет не повадно.

Теоретически полное искоренение преступности возможно, если все ресурсы общества направить на борьбу с нею. Однако можно представить себе, насколько возрастут издержки законопослушных граждан, которым за счет взимаемых с них налогов придется содержать огромную армию сил правопорядка. Причем чисто материальными затратами дело не ограничится. Такая тотальная борьба с преступностью неизбежно будет сопровождаться ущемлением граждан в основных правах, унижительными полицейско-бюрократическими процедурами. Не случайно говорят, что степень демократии в обществе измеряется протяженностью пути, который рядовой человек может пройти без проверки документов. Общеизвестно, что в тоталитарных обществах уровень преступности ниже, чем в обществах, основанных на демократических традициях. Однако здесь лекарство оказывается хуже самой болезни. Если же впасть в другую крайность и вообще отказаться от расходов на охрану порядка, в подобном анархическом обществе разгул преступности неизбежен.

По мнению авторов экономической теории преступности, нахождение золотой середины между этими двумя крайностями вполне возможно. Издержки общества от преступности включают в себя, во-первых, потери от совершаемых преступлений, во-вторых, расходы общества на выявление нарушителей и их наказание. Как и при любых хозяйственных решениях, оптимальным с точки зрения общества будет являться равенство предельных издержек совершения преступлений и предельных выгод предотвращения преступлений. Т.е. чтобы минимизировать общие социальные потери, общество должно определить и принять некоторый оптимальный (ненулевой) уровень преступного поведения. Отклонения от этого оптимального уровня преступности в любую сторону являются нежелательными. При всей шокирующей парадоксальности этого вывода

его по крайней мере стоит принять во внимание при совершенствовании правовой системы.

Очевидно, что подход этих авторов к такой сложной социальной проблеме, как преступность, грешит значительной упрощенностью. Так, каждый правонарушитель рассматривается ими как рациональный субъект, что исключает распространение сформулированных выводов на действия психопатологических типов, идейных борцов против "социального гнета", революционеров и защитников чистоты религии. Экономическая теория преступности не учитывает воздействие национальных традиций, особенностей культуры данной страны, данного общества, его идеалов, искусства и т.д. Само отношение к человеческой жизни как к высшей ценности неодинаково у восточных и западных народов. Русская рулетка, в самом названии которой закрепилась национальная принадлежность этого изобретения и отношение не только к чужой, но и к собственной жизни как к разменной монете, вряд ли могла появиться в Англии. Точно также, как обычные для США иски родственников погибших о компенсации материального ущерба, понесенного ими в связи со смертью близких, воспринимаются нашими людьми не просто с непониманием, но с возмущением: "Как можно оценить в деньгах ценность мужа, сына, отца?" Степень развития рыночных отношений отражается не только на экономике общества, но затрагивает и его этику. Вспоминается эпизод из популярного детектива: русские следователи упрекают работающих в Москве американских врачей за то, что они честно предупреждают смертельно больных об оставшемся им сроке. Дескать, у наших врачей это не принято, они более гуманны – до самого конца говорят о необходимости надеяться. На что американский врач резко отвечает: "Это все потому, что у вас экономика ненормальная. У вас же ничего нет. В нормальной экономике у человека обычно есть имущество, есть бизнес, есть компаньон, есть должники и кредиторы. Поэтому человек должен четко знать оставшийся ему срок, чтобы успеть привести в порядок дела. Он должен распорядиться своим имуществом так, чтобы наследники его не перессорились, а всегда благодарно его вспоминали. Наконец, он должен иметь время, чтобы примириться с Богом и достойно встретить кончину. Когда в вашей стране будет нормальная экономика, у вас будет такое же отношение и к смерти".